

Шукшин Василий
28.07.04

«Все хорошо, родная. За меня не беспокойся», -

успокаивал маму в письме Василий Шукшин за 4 дня до смерти

«Лишь бы у тебя все хорошо»

«Добрый день, сынок милый! Долго я задержалась с письмом. Дитенок мой, вот вчера сделала перевод, правда, мало. Ну в конце месяца пошлю еще сотню. [...] Милый мой, ну у меня дома все хорошо. Как у тебя, миленький мой? Скоро буду опять ждать тебя домой. Вот уже и два года пролетели, не видали. [...]

Нынче Вера зашла, хочу с ней послать письмо, унести на почту. Ну, дитенок мой милый, до свидания. Живи спокойно, ни о чем не думай, все в порядке. Лишь бы у тебя все хорошо. Как успехи? Как сдаче экзаменов? Как здоровье? Как с деньгами? Ой, скоро буду ждать домой. Денег еще вышлю. Не тужи, мой дитенок. До свидания. Будь здоров. Мама».

2 марта 1956 г.

«Моя мама не менее министра»

«Живу очень интересно, мама. Очень доволен своим положением. Спасибо тебе за все, родная моя. Успехи в учебе отличные. У нас не как в других институтах, т.е. о результатах обучения известно сразу. Ну вот пока и все. И так, мама, повторяю, что я всем решительно обеспечен. Недавно у нас на курсе был опрос, кто у кого родители... У всех почти писатели, артисты, ответственные работники и т.д. Доходит очередь до меня. Спрашивают: кто из родителей есть? Отвечаю: мать. Образование у нее какое? Два класса, отвечаю. Но понимаете, она у меня не менее министра...»

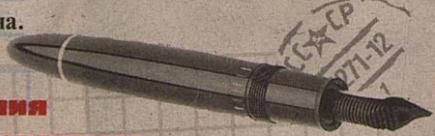
Из письма Шукшина. Без даты

«Дай тебе Бог терпения отвыкнуть от яда проклятого»

«Добрый день, сын милый! Вот с каким настроением пишу письмо, рада до слез, милый мой, пообещал курить бросить. Господи, дай тебе Бог терпения отвыкнуть от этого яда проклятого. Давай, сынок, раз уж вошла такая мысль в голову, давай, наберись мужества. Я давно думала, у тебя не на это силы воли хватило, а это ерунда, плюнь. Как вспомнишь, возьми конфет. Как задумаешь курить, брось конфеточку. А то я вспомню, приду домой, дым — ничего не видно. Из-за этого яда никакого лечения не поддается. Ну, дитенок, давай, брось. Вон посмотришь, какие замухрышки бросают, а ты такой сильный парень. Вот я возьму пример с себя. Сижую ночью, работаю, навалится сон, такой сон, ничего за такой сон не надо. А мне нужно доделать. Начинаю себя пытать, неужели я ему поддамся. Другой раз незаметно кулак сожму, вот на-ка, ну я не усну. Да и все сразу отлетит, верх мой. А это ерунда, брось, дитенок, ради Бога. Я буду ждать такого радостного письма. [...]

Ты пишешь, мало спишь. Вот ты грамотный, ведь здоровый может заболеть, а ты больной. Ну когда же будет подживать, когда ты не спишь. А твою болезнь только сном и лечат, вот обратись к врачам и к своим преподавателям или хлопочи курорт, или госпиталь самый хороший, где вылечивают все болезни. Ну что еще. Вот подходит Новый год, мне опять забота, как бы там куда ни пошел, да что бы ни случилось с тобой. Вот ползет в голову. Ну у нас все хорошо, слава Богу. Завтра иду на профсоюзную конференцию. [...] Ну, дитенок, пока до свидания. Дай Бог здоровья, милый мой!»

Без даты.

25 июля писателю, актеру и режиссеру Василию Шукшину исполнилось бы 75 лет... Когда 17-летний Шукшин уехал из родного дома, его мама Мария Сергеевна от переживаний места не могла себе найти, пока не получила весточку. А потом жила от письма до письма... Они дарили друг другу удивительные слова: теплые, нежные, трогательные. Их связь не оборвалась даже после смерти Василия Макаровича.

Фото Максима Бурака, из архива редакции

«Если чувствуешь плохо, так и езжай домой»

«Добрый день, сынок милый! Дитенок мой, да ты совсем свалился болячки. Я же знаю. Вот сегодня дала телеграмму. Ответа жду с нетерпением. [...] Ну, сынок, а я тебе валенки скатала, думала, ты приедешь. Ну как, милый, насчет курорта? Поедешь или нет? Если не поедешь, то, когда если чувствуешь плохо, так и езжай домой. Да, сынок, я задумала завести хоть один улей. Поставить к Шукским в сад, у них тоже два будут, да у меня один. Чего-то охота, душа горит. Ну, дитенок, пиши почаще, ради Бога, хоть понемногу. Да ты смотри, если не поедешь на курорт и слабо себя чувствуешь, то не запускай, езжай, милый мой дитенок, один, сокол мой ясный!

Душа горит, охота получить специальность, ох, так охота, до ужаса. Ну, милый мой, пока до свидания. Целую. Мама. Еще раз, если не поедешь на курорт, то домой, как себя почувствуешь. Все. Будь здоров».

24 февраля 1957 г.

«Сюда больше уже не пиши»

«Я жив-здоров, все в порядке. Здоровье у меня — нормально. Вот увидите в картине: я даже поправился. Все хорошо, родная. Мама, если тебя с бальзама слегка сшибает, то попей его на ночь, тем более что он способствует к сну. Попить его надо подольше, люди годами пьют: привыкают и пьют, даже очень пожилые люди. Во всяком случае, вреда от него никакого. Ребятишки здоровеньки, слава Богу. Ездил я тут в Москву на 3 дня, сходил с Машей в школу... И радостно, и грустно. Какая она еще школьница! Целыми днями играет с Ольгой да с зайцем (заяц в квартире живет), а про домашние задания забывает. А так все нормально. Извещение о посылочке успел получить, но было воскресенье... Спасибо, хорошая моя. Дай Бог тебе здоровья! За меня не беспокойся, я серьезно говорю, что хорошо себя чувствую. Ну, обнимаю тебя — Василий. Сюда больше уже не пиши».

28 сентября 1974 г.

(Это письмо от сына Мария Сергеевна получила 2 октября, в день его смерти.)

2004 год, июль, Новодевичье кладбище

«Не спал ночами, работал, торопился...»

На Алтай, родину Василия Шукшина, после его смерти письма приходили отовсюду. На каждое из них Мария Сергеевна старалась ответить. Вот что она написала в одном из них:

«[...] Вася без отца остался, было ему два с половиной года и дочери четыре месяца. Я их одна растила. Вот вы спрашиваете о Васе, в каких годах служил. Я вот знаю, когда призван, а там понятным будет, сейчас совсем осталась десятая доля человека от меня, все забыла, убитая великим горем. Я вот знаю, в каком году он был призван — 49 г. — в сорок девятом году. Вот письма все хранила, а когда из Сростков стала переезжать в Бийск, я их не взяла, а они были на вышке на чердаке в коробке. Ваше письмо долго пугалось, вы прислали на Сростку, а я сейчас живу в Бийске. Четвертый год, как на грех, переехала. Знала бы это горе, никогда бы не тронулась с места. Ну а там я одна жила, дочь в Бийске живет, а Вася в Москве. Им меня жалко, что я одна живу, они меня все время заговаривали. Ну я решила переехать. Мне дали квартиру двухкомнатную, вот я живу одна, но дочь недалеко. Большая я стала, вот к празднику получила около сотни открыток. Милый ребятаенок любил, дорожил матерью и как будто наказал людям: умру, не забы-

вайте мою мать. Откуда только нет писем, и я думаю: как же все люди знают, что он любил народ, милый сын. Да он, правда, за народ, за правду он душевню свою отдавал. Он жил для народа, себя он не берег, лишь бы сделать людям побольше. Не спал ночами, работал, торопился. Когда у меня бывал, вроде приедет отдохнуть, а сам сидит день и ночь. Скажу зайду: «Вася, да ты хоть часика два отдохни». Некогда, мама милая, ждут меня с материнством! Так и не выдержало его сердечко, остановилось... Я не могу о нем писать, через великую силу, полны глаза слез. В каждом слове гольные ошибки делаю, да и так та грамота три класса, ну все же, когда не было этого горя, я лучше писала. [...] А вот это горе оглушило мою головушку, я себя забываю, не приведи, Боже, такого горя никому. Вот дочь живет тоже 16 лет одна, детей растила. Дети удачные, умные, сейчас уже на третьем курсе института в Новосибирске, Сережа в...» (письмо осталось незаконченным)

9 января 1976 года, г. Бийск.

Подготовил Сергей Пустовойтов. Автор благодарит за помощь в подготовке материала писателя Лезинского (Израиль), а также сотрудников Мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина Лидию Чуднову и Ольгу Максимову (Алтайский край, Сростки).